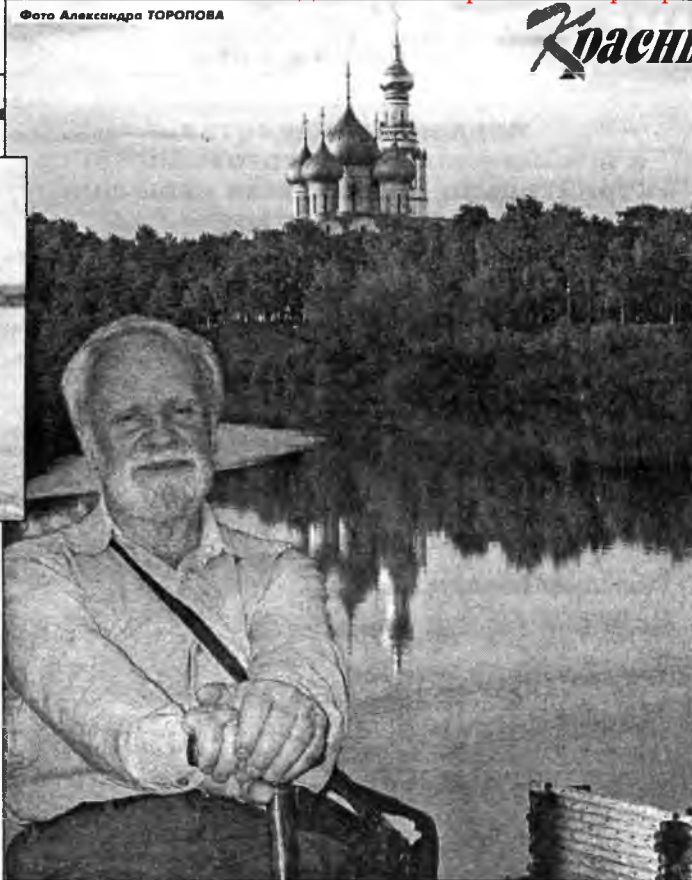

Родное

Вадим ДЕМЕТЬЕВ

В сентябрьском номере журнала «Наш современник» за этот год опубликовано его новое большое произведение «Голос, рожденный под Вологдой» с подзаголовком «Повесть о композиторе Валерии Гаврилине». Книга эта писалась Беловым для знаменитой серии ЖЗЛ, и уж, согласимся, кто, как не наш земляк Валерий Александрович Гаврилин, подходит нынче в качестве примера жизненной и, главное, творческой судьбы. Судьбы изломанной, трагической и одновременно счастливой, которая сумела всё же воплотиться в бессмертные музыкальные произведения. Правда, автор где-то посредине своего повествования кается, что за непосильный труд он взялся, не стоило ему так решительно заключать договор с издательством «Молодая гвардия». И дело даже не в том, что о композиторе должен писать музыковед (последний может написать скучное, техническое сочинение), вопрос в ином - для такого рода биографических повествований (а это особый жанр) требуется лёгкое перо, которое способно для красоты слога что-то, грубо говоря, и приврать. Ожидать такого рассказа от Белова было бы совершенно невозможно. Поэтому его мучения вполне объяснимы, и не в них соль, а в таком же драматическом, как и путь Гаврилина, постижении его духовного мира, того главного, что стояло за его музыкой. В этом смысле книга Василия Белова в какой-то мере уникальна, ибо постоянно выходит за биографические каноны, пускаясь в размышления и о судьбе русского народа, и о судьбе своих сотоварищей-сверстников, и вообще, как говорится, о жизни. Автор пытается проникнуть в тайну народного таланта, будучи сам такого же рода дарованием, только литератур-

Казалось, недавно вологжане и настоящие читатели всей страны отпраздновали присуждение Василию Ивановичу Белову Государственной премии России. Можно, казалось бы, ему и почивать на лаврах. Ну, хотя бы месяц-другой. Но не таков наш народный писатель. Вновь рванулся в общественный бой, снова встряхнул нас своим литературным талантом, яркой публицистикой и беспокойными размышлениями.

ним. Он добр душой, по-беловски отзывчив, простодушен мудростью своих лет. И не дает ему покоя одна и та же мысль, которая варьруется на протяжении всей его новой книги: «Как, откуда заронилась в душе Гаврилина искра Божья, донес ли Его завет Валерий Александрович до конца, не расплескал ли часть своего земного предназначения по дороге?»

На поверхности жизнь и судьба Гаврилина бедны на события. Он и сам жаловался, что все свои темы берет из детства, запас жизненных впечатлений, мол, у меня небольшой. Но тогда спросим себя: какое же должно было быть удивительное детство композитора, или поставим вопрос по-другому: каков же должен быть его талант, если ему хватило для постоянного воспроизведения всего лишь нескольких лет? Здесь необходим и третий вопрос, который поможет ответить на первые два. Откуда, спросим, наконец, главное, прозрел великий дар Гаврилина, почему он был им отмечен?

Василий Иванович Белов приводит обширные выдержки из писем композиторов, с которыми дружит и которым верит. Да, они углубляют творческий анализ произведений Гаврилина, заставляют по-новому взглянуть на всё его музыкальное наследие. Но в судьбе композитора разбираться приходится самому Василию Ивановичу.

Многое его (как, кстати, и Рубцова) роднит с Гаврилиным. Мы и сами-то не осмыслили удивительный факт рождения на Вологодчине такого творческого, говоря музыкальным языком, трио. В одно примерно время, с одной судьбой, исключая разве что рубцовскую раннюю гибель. Да и родились они почти в одном месте, но каждый из них с гениальной силой выразил то, что стало отнюдь не местничеством, а новым запросом в формировании общенационального идеала красоты, гармонии, искусства. Откуда у них, сельских мальчуганов, безотцовщины, видевших голод и холод северных военных деревень, появился вдруг такой свет в твор-

Валерий ГАВРИЛИН.

Трудная повесть, ПЕЧАЛЬНАЯ

честве, затмивший все электрические свечения прежних и современных им кумиров?

Для любой современной европейской страны было бы вполне достаточно явления таких талантов (прибавлю еще Шукшина), но их, скажу с печалью, нет и не предвидится, ибо в мировой культуре утеряно главное - сострадание к человеку, христианское всепрощение, подлинное нестяжание, духовное богатство, что и составляет истинную сердцевину искусства. Можем ли мы, столь любившие «камни Европы», наследники их славы, оценить по достоинству теперь уже последние, оставшиеся для мира родные имена?

Да, с формой этого повествования Василию Ивановичу пришлось помучиться. Мундир оказался не по его плечам. Он то примеряет школьный, латаный-перелатанный костюмчик своего героя, то надевает свою фэзэушную тужурку, то выходит в распахнутой цветастой рубахе.

Дай он ответ на все строго им же самим поставленные вопросы, и он бы сам объяс-

нил самого себя. Что изначально было невозможно. Но хорошо, что вопросы Белов о Гаврилине всё-таки поставил. Теперь нам придется на них отвечать, а не увильтывать куда-то в сторону, и не пытаться из него делать обезличенного кумира.

После книги о Шукшине Белов написал еще одну книгу-исповедь о Валерии Гаврилине. Года его торопят - слишком ответственный и аккуратный он на дружество человек. И еще сердобольный - уходит с каждым годом замечательные русские люди, его друзья и единомышленники. Сердобольный он еще и потому, что привалило ему всё-таки счастья жить и писать на родной земле. А у других, у многих (у Шукшина и Гаврилина, к примеру) не вышло так, оттого они и страдали всю жизнь. Ведь по самой своей сути прав односельчанин Валерия Гаврилина из Воздвиженья, когда сказал, как отрезал: «Хорошую музыку он пишет, но если бы жил здесь, с нами, то писал бы еще лучше».